

АНДРЕЙ ДРАГУНОВ

МЕСТО

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Драгунов

Место. Стихотворения

«Издательские решения»

Драгунов А.

Место. Стихотворения / А. Драгунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907420-1

Эта книга была бы невозможна без помощи ЕВГЕНИЯ ПРИМАКОВА и РУССКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МИССИИ. Благодарю своих друзей за поддержку и помощь.

ISBN 978-5-44-907420-1

© Драгунов А.
© Издательские решения

Содержание

Место	6
Частное мнение поэта	6
Март, 2013 год	7
Говорящий ночью	7
«Короткий месяц кончился и он...»	8
«Никто и не пытался повторить...»	9
«Я говорил тебе, что не пройдёт...»	11
«След на воде, оставленный дождём...»	12
«...в другой стране, где от пустых дворов...»	13
«В магазине под ногами слякоть...»	14
«В мае марши оглушают город...»	15
«В марте дождь – доказательство, что продолжается жизнь...»	16
«В музее пахнет старыми вещами ...»	17
«Возьмём воды и хлеба на прогулку ...»	19
«Все самолёты улетели в небо...»	20
«Желтизна на обоях от лампочки под потолком...»	21
«Жизнь короче, чем кажется, даже на первый взгляд...»	22
«За чтением словаря меня застал...»	23
«...засахарился снег. Вода сошла на нет...»	24
«Застигнутый дождём, соседский пёс сбежал...»	25
«Земля не так кругла, как оказалось ...»	26
Зима, окончание	27
«Из частных не помню ничего...»	28
«Измученная штора на окне...»	30
«Как в какую-то комнату, выйти в пространство двора...»	31
Кардиология	32
«Когда вино состарится совсем...»	33
«Кого я жду? Кто должен подойти...»	34
Листы	35
«Меня не узнают соседи в коммуналке...»	36
«Мне больше не нужно теперь о тебе говорить...»	37
«Мне в магазине подарили кошку ...»	38
«Мне в чёрном телевизоре смешно...»	39
«Мне место для жизни досталось среди обветшалых...»	40
«На Пасху яйца, хлеб и поцелуи...»	41
«На площадке соседские дети играют в футбол...»	42
«На пустыре, за городом, на свалке...»	43
«Небо ближе, когда до него поднимаешь глаза...»	44
Ни о чём, но с подробностями...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Место Стихотворения

Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2018

ISBN 978-5-4490-7420-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Место

Частное мнение поэта

Бывает так, что судьба делает в жизни крутой поворот, бывает так, что жизнь течет плавно, не делая ничего. В сущности, и то и другое составляет то, из чего, как мы полагаем, формируется наше время – то главное что составляет наше Бытие. Однако это не совсем так – кроме времени – нас несущего (ибо все в конечном счете волна) на которую проецируются все наши удачи, неудачи, потрясения, счастье и несчастье и любовь – есть МЕСТО. Место где мы родились, и где мы умрем, место где мы обрели счастье или любовь, и не важно была ли эта любовь взаимна, принесла ли нам она страсть, счастье или страдание. Но есть, было и будет МЕСТО.

Эта книга, как и все книги Андрея Драгунова – о мелочах, это взгляд – сквозь паутину бытия – на место, на то где происходит действие. И пускай поэзия Драгунова зачастую самоповторна, важно другое, его стихи заставляют задуматься – где мы, в каком мы месте и что нас ждет дальше. Стихи Андрея это длинный рассказ о нас.

К сожалению, наш мир стремителен, сознание не всегда поспевает за процессом, мы зачастую так заиклены на каких то мелочах, что забываем о другом, о главном. Большинство из нас часто забывает о конечности нашего существования, наивно полагая о бессмертии, мы малодушно думаем что, смерти нет. Поэзия Андрея Драгунова нас возвращает в реальный мир маленьких вещей, туда, где все на своём месте, там где рождение, жизнь и смерть следуют друг за другом. Там где мы, окруженные привычным миром, ощущаем свое одиночество, и это, на мой взгляд бесценно.

Станислав Молодковец

Март, 2013 год

Говорящий ночью

Дождь не мешает говорящим утром —
они его почти не замечают
за вымыслом беседы, поминутно
сливаясь с вечера ещё остывшим чаем.
Им кажется, что сказанное ночью,
как минимум – по времени дороже
дневных бесед, что кажутся короче
ночных собратьев или осторожней.
Ночное время... Главное проснуться
успеть, не быть застигнутым внезапно
в своей кровати, чтобы не столкнуться
с отображением в стекле совсем измятым,
как простыня, как облако на ветке,
измятое по существу погоды,
как платье, убежавшей вдруг соседки,
почувывшей беду от несвободы.
От слишком крепких старческих объятий...
Так бабочка своё сжимает тело
в похолодание на скомканной кровати,
что выглядит смешно и неумело...
И только разговор ещё спасает
в такое время – прав не говорящий,
а тот, кто всем словам его внимает,
считая жизнь вокруг – не настоящей,
а лишь картинкой, но без продолженья —
за край пейзажа – облако спасает,
давая смысл сюжету без движения,
где просто места больше не хватает
для проживания в означенном пространстве
между кроватью, тумбочкой и полкой —
пусть в несуразном, но в родном, убранстве,
перемежая музыку уборкой
всего, что есть. В назначенное время
приходит гость – клеймит людей и старость.
А, уронив очки, встав на колени —
вдруг вспоминает про свою усталость.

Март 1. 2013 год.

«Короткий месяц кончился и он...»

Короткий месяц кончился и он
следы оставил только на дорожках
глухих в саду. Количество окон,
забитых на зиму – снижает немножко
с приходом постояльцев. Новый год,
то есть сезон, начнётся через месяц
и, пущенный под Новый год в расход,
забор окажется как никогда уместен,
на самом деле. Сколько ни крути —
зима кончается попойкой с шашлыками
из выживших животных. Впереди
Великий пост и, как напоминание —
Прощённый день и... дальше – не гляди.

Март 2. 2013 год

«Никто и не пытался повторить...»

Никто и не пытался повторить
то, что сосед сказал перед уходом
к себе домой. И некого винить
в отсутствии в окрестностях свободы —
какой-нибудь вообще... Пустой карман
в ночное время напрягает память
своей бездонностью. Сосед немного пьян —
совсем немного — не за облаками,
чтобы летать, но так — чтобы ходить,
не чуя ног, тем более дорогу
с её ухабами, в которых пережить
возможно всё, скитаясь понемногу
из края в край, но никуда теперь
дороги не ведут — путеводитель
сломался, видимо. И если рядом дверь —
за ней — сортир — бездушных тел хранитель.
Куда-то в ночь уходит мой сосед,
не ведая, пути не разбирая —
он стар уже, хотя не слишком сед,
чтобы сказать — Судьба его лихая.
Он просто человек из прошлых лет,
когда служил на почте очевидцем
чужих страданий. И его секрет —
быть незаметным и с толпою слиться
во избежание ненужных передраг.
Что он сказал — теперь не очень важно,
но вспоминается, как общество напряг
его прощальный взгляд — совсем бумажный,
то есть — бессмысленный в тот самых, краткий миг,
когда он уходил, не попрощавшись,
когда в дверном проёме, как старик,
стоял один, с подъездом поравнявшись,
как с вечностью. И свет под потолком
слепил глаза во след ему смотрящих,
как в пропасть, чтобы больше ни о ком
не вспоминать, включая уходящих.
И иже с ним. Разложенный диван
готов принять уставших и ослабших,
всех тех, кто был ещё не слишком пьян,
но оказался из числа пропавших
среди ненужных, в общем-то, вещей.
И руки ищут, где теперь согреться,
в каких других руках, чтобы теплей
немного стало в наболевшем сердце,
измученном от разных там причуд.

Как не сказать, от придури и боли.
И от тоски – немного. От простуд,
в конце концов... На завтрак – мясо с кровью,
сто грамм – поправиться, чтоб вспомнить, что сосед
был, как всегда, неправ в своих ученьях
и измышлениях. Ему немного лет,
но слишком явственно в лице его старенье.

Март 2. 2013 год

«Я говорил тебе, что не пройдёт...»

Я говорил тебе, что не пройдёт
вся эта боль, оставшаяся после
его ухода – лишний перелёт
израненной душе... И это после
того, что было. Не спеши стирать
в календаре назначенные даты —
по ним его и будешь поминать,
чтоб точно знать, что мы не виноваты
в его потере. Он перехитрил
и нас и Время... Ночью за работой,
он из дощечек вечность мастерил,
стараясь как-то... чтобы... для кого-то...
Для самого себя, в конце концов.
Рисунок расплывается под ручкой,
под жёстким стержнем. Изо всех углов
торчат улики – так, на всякий случай,
чтоб кот не спал, чтоб расплатиться вдруг,
когда приспичит – не хранить же вечно
тоску и боль. Количество разлук
соизмеримо с тем, что бесконечно
терзает и доводит до беды,
чтоб больше никому не доставалось,
как крошки со стола – той ерунды
от вечности, что тоже, впрочем, малость —
всего лишь Вечность. Посмотри в окно —
ни снега, ни зимы – начало марта,
который тоже кончится – и он
всего лишь вариант – пятно на карте
синоптика. Не вспоминай опять
забытые обиды – слишком рано
для выживших, не тормоши кровать
и шкаф с бельём – не полотно экрана
для поисков изнеженных особ,
что тоже, видимо, страдают недержаньем
своих же слов – сюжет, увы, не нов.
Не вспоминай последнее прощанье
его с тобой. Не тереби слова
для поиска ненайденного смысла —
история опять, увы, права —
всё суета... Луна в окне повисла.

Март 3. 2013 год

«След на воде, оставленный дождём...»

След на воде, оставленный дождём,
как продолжение, как вариант погоды
в другом пространстве – круглый водоём,
входящий в дом, как гражданин свободы,
как облако, что долго не живёт,
но пробует продлить момент старенья,
или страдания за долгий перелёт,
чтоб избежать ненужных повторений...
И в этой местности, куда на склоне дней
вдруг занесло – от Родины и дома —
не слишком близко, от того острей
по вечерам тоска, что так знакома
любому, не сумевшему спасти —
ни дом, ни Родину – лишь только на бумаге,
в воспоминаниях, что тяжело нести,
а выбросить – ни силы, ни отваги,
ни храбрости какой-нибудь... В окне
всё тот же дождь расписывает воду,
чертя круги и линии. Во сне
лишь оставляя чуточку свободы
передвижения по выбранным местам
из переписки с верными друзьями,
которые уже и тут и там
столбят пейзаж с вопросами – нельзя ли
и мне кусочек?.. Но, увы, места
расписаны, как даты – при рождение.
И даже, если повезёт – не факт,
что выйдет лучше, т. е. – без сомненья.

Март 6. 2013 год

«...в другой стране, где от пустых дворов...»

...в другой стране, где от пустых дворов
не так знобит, где пережив соседку,
страдаешь не от мух и комаров
в её жилище, а от шторы в клетку
в её пустом окне. Случайный взгляд
цепляется за новых поселенцев,
которых не было ещё три дня назад —
теперь орут с неистовством младенца
на грузчиков, что пробуют поднять
немыслимого вида пианино...
И двор уже, как старая кровать,
трещит по швам – нелепая картина,
когда вот-вот снесут наш старый дом.
Здесь, говорят, построят небоскрёбы,
т. е. – скребки для неба, а потом
какой-то центр, а когда сугробы
сойдут совсем – построят детский сад,
стоянку во дворе, а голубятню
снесут, а голубей назад
вернут в природу, так сказать, обратно.
И мысленно назначенный предел
для собственных страданий слишком быстро
вдруг наступает. Что-то не успел
сказать соседке. Тень от обелиска
еще спадает в сквере на кусты,
обжитые уже давно бомжами
для малых нужд, но помыслы чисты,
как утверждают, лязгая ножами
на окружающих. Печален старый вид,
век доживающий. Уже без интереса
к происходящему. Намеренно двоит
слеза пейзаж в предчувствии прогресса.

Март 21. 2013 год

«В магазине под ногами слякоть...»

В магазине под ногами слякоть
от раскисшего картона. Снова дождик
зарядил. Не научившись плакать,
небеса разбрызгивают только
по щекам холодную водицу,
что действительно по капельке стекает
на рукав, с которого напиться
на получится и все об этом знают,
но молчат, как о великой тайне,
как о чём-то – не для разговора —
хотя повод, в общем-то, банальный —
мокрые следы до гастронома.

Март 12. 2013 год

«В мае марши оглушают город...»

В мае марши оглушают город
слишком часто, пробуя на прочность
то ли память, то ли тех, кто долго
здесь живёт окошками на площадь —
плата за заслуги перед властью —
у кого ни спросишь – очевидцы.
Как же много приближённых к счастью
оказалось, как воды напиться —
слишком просто. Небо тешит зренье
облаками. Мокрыми руками
трогаю ступени, что забвенью
не подвержены, как и слова за нами,
что звучат, перемежая марши,
тихим звуком – памятью о прошлом
и бессрочным отношением к павшим,
как к живым – с печалью о хорошем.

Март 21. 2013 год

«В марте дождь – доказательство, что продолжается жизнь...»

В марте дождь – доказательство, что продолжается жизнь.
После зимних страданий всё снова идёт на поправку.
И длиннее в холодной воде, на поверхности слизь
от расплавленных масляных пятен в границах заправки.
Кто там скажет потом, что теперь это просто весна,
как какое-то время, как средство от поздней простуды,
что бывает длинней, чем холодная очень зима.
И немного длинней ожидания нового чуда.
Но откуда теперь этот дождь и вода за окном?
То ли вновь продолжение, то ли какая-то новость
о случившемся вдруг, или снова о чём-то о том,
что останется там, за дождём, не вторгаясь за область
пересказанных вслух стройных мыслей и дум о любви.
Всё, что время даёт – утекает с дождливой водою,
размывая дороги, дорожки, земные пути,
утопая в каких-то пределах, куда с головою
или просто с вещами в означенный кем-то предел,
как в какую-то пропасть, куда, как в стекло, – заглядеться...
И погода картавит о том, что опять не успел —
только зонт выручает и правда о том, что не деться
никуда в эту пору. Спасает клеёнка и смех
над самым же собою. Вода растекается мимо
озаглавленной жизни, что так неделима для всех,
как вода за окном. Как окно, что горит сиротливо...

Март 11. 2013 год

«В музее пахнет старыми вещами ...»

В музее пахнет старыми вещами —
так, видимо, и может пахнуть память,
оставшись без хозяйского вниманья,
затроганный многими руками,
пришедших за билет увидеть вечность,
хранимую в витринах и на полках,
не замечая жизни быстротечность —
в чужой истории, в оставшихся осколках,
в немой бумаге, в выцветших чернилах,
в потёртом кошельке с двумя рублями,
оставленном случайно тётей Ниной,
в картине над кроватью с лебедями,
в обоях в мелкий розовый цветочек,
наскучивших по факту появления
в квартире — на Фонтанке, между прочим,
где сам музей и это представление
с экскурсоводом, что по долгу службы
расскажет всё, что вписано в программу —
не более того и всё, что нужно,
покажет, даже хронику с экрана
на крашенной стене в углу квартиры,
представленной теперь на обозрение,
за исключением ванной и сортира —
они не производят впечатленья
на посетителей — не столь гигиенично,
как стол и стул, буфет с бутылкой водки
для праздника, как водится — «Столичной»,
две-три тарелки, вилка, кружка, стопки
гранёные. Сам факт существования
в такой квартире — был уже награда
за тяжкие труды, за понимание
текущего момента в жизни рядом,
т. е. — за дверью... В скудных киловаттах
толпятся мошки, согревая крылья
холодным вечером. Ни в чём не виноватый
сюжет покрылся, как посуда, пылью,
что раз в неделю — тряпкой и водою,
ещё каким-то порошком — неважно...
И кладбище мошки над головою,
под абажуром тряпочно-бумажным —
пространство рассекреченной печали,
тоска по времени, оставшемуся где-то,
как вещмешок, что бился за плечами,
но сдан в архив, как важная примета —
улика времени — досужий очевидец

происходящего когда-то в этом месте,
доживший до хранения – счастливец,
не сгинувший по списку в сумме – вместе
с хозяином означенной квартиры,
как чемодан – без ручки, но с ключами,
с отметками – где странствовал по миру
и где их, как родных, всегда встречали —
восторженными криками и водкой
холодной с чёрным хлебом на закуску.
Но оказалась слишком уж короткой
вся эта жизнь. И в киловаттах – тусклой.

Март 9. 2013 год

«Возьмём воды и хлеба на прогулку ...»

Возьмём воды и хлеба на прогулку —
ведь мы надолго, кажется, уходим...
Дойдём до парка, что за переулком,
за тем строением с кирпичною трубою.
Там дальше через двор и до оврага,
вниз до реки с холодною водою,
что шелестит, как старая бумага,
в такое время о песок с травой,
что нанесло и бросило на берег...
Мы посидим на берегу с тобою,
покормим птиц, что тихо, без истерик
едят с руки, запив еду водою.

Март 10. 2013 год

«Все самолёты улетели в небо...»

Все самолёты улетели в небо.
Куда ещё им улететь возможно!
Ведь там никто без самолёта не был —
пишу сейчас, а думаю – возможно.
Куда же улететь без самолёта?
Ну, разве что совсем – на край вселенной,
где крылья раздают и нет пилота,
что возвращает за грехи на землю.
А может быть, ещё на ужин к маме,
что вечно ждёт, но сын не прилетает —
он вечно занят важными делами,
или погода снова не пускает!..
И крылья в чемодане запылились.
И некогда почистить и расправить.
И самолёты где-то заблудились.
И в небо – только голубей отправить.

Март 23. 2013 год

«Желтизна на обоях от лампочки под потолком...»

Желтизна на обоях от лампочки под потолком
застревает в рисунке, цепляется за паутину,
что хранится в углах, как бельё в сундуке под замком —
на последнюю встречу, когда фотографию снимут
с пожелтевшей стены, на которой другой человек
как-то странно глядит – неуверенно и неумело
сквозь прозрачные стёкла очков, что теперь не для всех,
но хранимы покуда, до времени, что пролетело,
не оставив следа в облаках, ни какой-то черты
неразборчивой в списке с приметами и адресами —
ничего вообще, что могло бы поверх желтизны
сохраниться, включая видение с их голосами,
как с какой-то отметиной. И в голосах – перебор —
то не допросишься слова, то не умолкают —
как говорлива печаль, но всегда не о том,
что бы хотелось услышать – вороны спасают
криком своим. Как беспечен их радостный крик,
где-то на ветках ещё без листвы и без краски,
то есть, без цвета, к которому сильно привык,
ну, не считая, конечно, бабушки сказки,
то есть, истории, чтобы на сон рассказать,
сжечь до полуночи, чтоб ничего не случилось,
чтобы «бабайка» ушёл, не успев напугать.
Как там в финале – пещера с кладом открылась...
Только куда это спрятать, кому передать,
чтоб понадёжнее, чтобы вода не размыла
мелкие строчки чернильные. Как ни сказать —
лучше с собою – надёжнее только могила.
И желтизна запечатанных крашенных стен,
чтобы для прочности – свет разбавляет раскраску —
не боевую, конечно. Вода, между тем,
перемещает в другое пространство чернила и сказку.

Март 17. 2013 год

«Жизнь короче, чем кажется, даже на первый взгляд...»

Жизнь короче, чем кажется, даже на первый взгляд.
Успеваешь только всего что понять – насколько
коротка дистанция, чтобы когда назад
устремляешь взгляд – не уткнуться в стену роддома с железной
койкой —
как в предел мечтаний, во встречу на полпути
с незнакомой женщиной, что не сулит надежду,
то есть, как ни старайся, как ни крути —
ничего хорошего, то есть – не так, как прежде,
в те времена, когда ещё долог век
слишком казался, но избежать потери —
не удалось и в смысле земных утех,
как вариант – открытые настежь двери,
но и туда – ни шагу – чужой предел —
пусть не земной, но, всё-таки, тоже жизни...
Птица сидит на ветке, как ты хотел,
перед окном, картавя чужие мысли,
не придавая значения смыслу слов.
Всё, что ещё возможно – считать убытки
от проживания в местности, где не нов
общий порядок жизни, как дом с открытки,
что не гордится видом своим уже
лет, эдак, двадцать, может быть, даже больше...
Милая барышня с шалью и в неглиже —
не украшает больше собою площадь...

Март 7. 2013 год

«За чтением словаря меня застал...»

За чтением словаря меня застал
февральский дождь. На букве «п», в начале.
Я отложил зелёный том и встал
к окну, в котором капли отмечали
происхождение холодного дождя.
Вода по стёклам ровными ручьями
стекала, ничего не говоря —
ни раме, ни стеклу в оконной раме
о том, что дальше – просто, первый дождь
в конце зимы – негаданная радость.
Деревья, унимая свою дрожь,
считают дни, которые остались
до первого тепла. Теперь уже
действительно недолго. Ожидание,
стояние в пейзаже в неглиже.
И птиц галдёж, как будто в оправданье
такой погоды. Но пока – зима,
и это больше, чем в конце недели
февральский дождь. Пока она сама
не знает, что границы опустели
с такой погодой. Дальше – смятый двор —
прилежным дворником и разговор у дома,
что ни к чему об этом разговор —
и так всё ясно и давно знакомо.

март 17 2013 год

«...засахарился снег. Вода сошла на нет...»

...засахарился снег. Вода сошла на нет,
как некая печаль, оставшаяся после
отъезда твоего. И смысла больше нет
ходить по адресам, стоять у клумбы, возле
фонтана. Мне в окно
заглядывает солнце,
что впрочем – всё равно —
оно в окне – до «донца».

Март 15. 2013 год

«Застигнутый дождём, соседский пёс сбежал...»

Застигнутый дождём, соседский пёс сбежал
под козырёк, в подъезд – от сырости и ветра,
и там его в углу я, бедного, застал
промокшего насквозь, на коврике из фетра —
от старого пальто оставшийся кусок,
скукоженный за жизнь с хозяином и после...
События бегут, как волны на песок,
на скомканный пейзаж, на улицу, что возле
прибрежного песка, а значит – и воды —
она со всех сторон... Пёс спит, в углу сложившись,
не думая уже о странностях судьбы —
тем более о том, что с ним ещё случится.

Март 14. 2013 год

«Земля не так кругла, как оказалось ...»

Земля не так кругла, как оказалось —
в её углах застряли междометья
и прочие слова, что, впрочем – малость —
ко времени и месту. Солнце светит
из тех углов – они, как на картине,
тарашатся по воле живописца
во все глаза, во все углы – отныне,
куда глядят простого очевидца
глаза, состаренные краской и желаньем
всё превратить в страдания и муку —
не так страшны бывают обещанья,
включая расставанья и разлуку —
какую-то уже. Который год
топчу пространство, пробуя на крепость
его основу – кто там разберёт,
куда приводят мысли и небрежность
в свиданиях. Уже который год
я оглашаю местность разговором
нелепым по утрам и весь народ
мне соответствует, делясь своим простором
не только мысли. Все мои мечты —
как утонули – к ним не подобраться
в одно мгновение и перейти на «ты»,
чтоб в дураках опять не оказаться,
как было раньше. А теперь пустяк —
какая-то ничтожная потеря
всего, что можно – глянь на свой косяк —
там возраст в метках до конца отмерян.

Март 15. 2013 год

Зима, окончание

Пахнет свежеиспечённым хлебом,
новою травой – не по сезону —
слишком рано под холодным небом
вскрылась сущность старого газона —
всё не терпится оттаять и согреться,
с рук напиток чистую водою.
Пёс хозяйский дремлет по соседству,
в лапы ткнувшись мокрой головою.

Март 8. 2013 год

«Из частных не помню ничего...»

Из частных не помню ничего,
но помню лица – их запоминаньем
учился жить, как некогда Кокто
учил меня страданью и вниманью
к своим родным, но детская душа
жила ещё по детским же законам,
то есть, трудилась долго, не спеша,
не утруждая жизнь свою уроком
или потерями. Как ни гляди в окно —
картинка не улучшится под вечер —
твоим старанием, и ветер всё равно
снесёт куда-то вероятность встречи
с назначенным лицом, наверняка,
желая оказаться очевидцем
каких-нибудь событий, но рука —
не обязательна и если что случится —
нырнёт в карман, где пачка сигарет,
какие-то копейки, то есть, мелочь,
чтоб расплатиться за один билет
в один конец, как этого хотелось.
И если удавалось пережить
боль и разлуку – оставалась память,
которую картинкой не изжить,
что за окном, тем более руками
и купленным билетом в никуда —
как ни крути, дорога не спасает
ни от чего – такая ерунда,
которой, впрочем, иногда хватает
надолго – даже больше – навсегда.
Сбежать, укрыться тёплым одеялом
и ждать когда холодная вода
из речки станет Тихим океаном
или каким-нибудь другим – что всё равно —
повозка едет только пока лошадь
её везёт, а дальше, как в кино —
экран на титрах ветерком полощет,
стараясь не сорвать, но потрепать,
как некую безделицу, как куклу,
почти живую, но не передать
с рук на руки в последнюю минуту
то, что осталось... Достоверность снов
в такое время – только продолжение
дневных исканий – сказочный улов
лежит на дне котомки без движенья,
без признаков дыхания. Тепло

ещё хранится, но чуть-чуть осталось
и остывает как-то тяжело
желанье жизни, что такая малость
в конечном счёте. Память не щадит
ни лиц, ни даты, ни воспоминанья,
и если кто-то там ещё глядит,
то лишь в ответ на смех и на рыдания,
на невозможность это пережить,
сложить обратно, чтобы сохранилось,
не вытерлось со временем, как нить,
что слишком долго в закромах пылилась,
переживая эти времена.
Война закончилась, как водится – победой —
кого над кем – неважно, но сполна
отвесили те «казаки», что едут
с войны домой. И пашкой и огнём.
И в воскресенье тоже выпадало
им отличиться... Каждый при своём
в итоге оставался – одеяло —
всё покрывало... Тихая печаль,
когда вдруг вспоминаешь эти лица и
понимаешь – прошлое так жаль,
но ничего уже не повторится.

Март 23. 2013 год

«Измученная штора на окне...»

Измученная штора на окне
взрывается при каждом всхлипе ветра —
перед дождём естественно вполне
такая ситуация. Согрета
бывает только светом изнутри
и иногда участием домашних,
не склонных к сантиментам и к любви,
как утро к переменам дня вчерашним
не склонно ныне. Ткань хранит тепло,
доставшееся ей, как по наследству,
от старой лампы. Если б повезло —
могла б лежать, как скатерть по соседству,
а не торчать, как пугало в окне
с печальным видом вечного страдальца,
что жжёт бумаги на своём столе
в кофейном блюдце, обжигая пальцы.
И смотрит вдаль, как будто у него
надежда есть отсюда переехать —
на самом деле пыльное окно
за занавеской – торжество успеха
недолгой жизни. Призрачная даль,
пригодная для песен и рыданий,
маячит где-то, пробуя печаль
свести на нет дождём и расстояньем.

Март 21 2013 год

«Как в какую-то комнату, выйти в пространство двора...»

Как в какую-то комнату, выйти в пространство двора,
будто из коридора, ослепнув от солнца и ветра
с пыльной завязью мусора, что поднимает с утра
похмелившийся дворник метлой из поломанных веток.
Выйти и обнаружить, как некую правду понять,
что опять всё кончается этим убогим пространством,
что уже никому, ни за что, никогда – не отнять,
потому что тебе только это и нужно, как вечером «здравствуй!»
по приходу домой, где уставшая за день жена,
старый кот на диване, приёмник с последним известьем
о какой-то трагедии, что возмещает сполна
все старания варваров – лет эдак, думаю, двести
или триста уже... Только лампочка под потолком
неизменна в желании выжить, дожить до ремонта,
что полжизни уже – на потом, на потом, на потом —
как пейзаж во дворе, ограниченный лишь горизонтом...

Март 19. 2013 год

Кардиология

Рисунок оставьте в покое – не перечертить
строение сердца в последнем его вычитанье —
так картографически тянется тонкая нить
сосудов изношенных в тихом, нелепом роптанье.
Так время куражится с клапаном – чтоб не застал
в немом изумлении. Медленно, капля за каплей
давая возможность картину, что долго хранил,
запомнить подробное, но долговечнее – вряд ли —
как, собственно, время. Рисунок лишь только хранит
несложную карту движения и остановок
случайных в пути... Только доктор печально глядит,
что как будто бы так всё и кончится – без недомолвок,
без каких бы то ни было тайн и случайных чудес.
Продолжение перечня в старом, засаленном списке —
это, как продолжение в луже печальных небес,
то есть, тех облаков, что, как точки, в прощальной записке.

Март 14. 2013 год

«Когда вино состарится совсем...»

Когда вино состарится совсем,
и едкий уксус протечёт на землю,
где виноград, который дал им всем —
и жизнь, и солнце, и того, Кто внемлет
немым мольбам — не стоит ничего
такая бочка — ссохшееся семя,
разбавленное временем вино —
то, пережившего старенья
своих же дел — он даже не успел
испить вина — состарился до срока —
он, смерив жизнь, остался не у дел.
А с бочками извечная морока —
как с завещанием. Земля хранит тепло
того, кто выпил, или — кто остался
хранить её. Кого там занесло
в такую даль, уставшего от странствий,
от походов. Ягоды опять
летят на землю. Дети собирают
в горсти созревшие — и это не отнять!
Вино в подвале тихо умирает...

Март 14. 2013 год

«Кого я жду? Кто должен подойти...»

Кого я жду? Кто должен подойти
к назначенному месту? Кто записку
мне передал? Кто так свернул пути,
чтоб оказаться здесь, сейчас – так близко?
Кто сплёл концы верёвок и ветвей
деревьев, что в округе прорастают
после зимы, наверное, быстрее,
чем грязный снег под лавочкой растает?
Кто так всё сплёл, что даже не найти
начальной точки, чтобы оглянуться —
откуда вышел и куда идти,
тем более, но точно – не вернуться
теперь уже? Означенный предел
маячит здесь, сейчас, среди деревьев...
и что кого-то я не разглядел —
зачтётся мне, когда откроют двери.

Март 22. 2013 год

Листы

И жёлтая бумага навсегда
останется хранилищем отваги,
какой-то боли или, как всегда —
для записи на скрепочке бумагой
линованной.. Какие-то листы,
исписанные частым многоточьем —
за время долгое совсем не так чисты,
как, может быть, хотелось бы. И точно —
не так ровны. И это – не отнять,
не спутать с пачкой, купленной бумаги,
которую никто ни рвать, ни мять
не собирается... ни жечь в глухом овраге.

Март 15. 2013 год

«Меня не узнают соседи в коммуналке...»

Меня не узнают соседи в коммуналке,
когда я выхожу на кухню рано утром,
и каждый раз твердят, что им немного жалко,
что прошлый их сосед исчез... совсем как будто.
Я их готов понять, когда над газ-плитой
я потрошу себе яичницу на завтрак...
их взгляды сквозь меня... и фразы за спиной,
что обещают дождь с порывами на завтра.

Март 10. 2013 год

«Мне больше не нужно теперь о тебе говорить...»

У.С.

Мне больше не нужно теперь о тебе говорить
с моими друзьями – вода прочертила границу,
сместив в оглавлении первую нашу страницу,
сменив на верёвку холщёвую тонкую нить...
Ты больше не будешь писать – я сменил адреса,
я съехал из дома на площади с красным театром,
где даже в ночи доносились чужих голоса,
где Лёва и Вова глумились над классиком Сартром.
Я всё пережил, мне теперь достаточно дней
дожить до старения и не скукожиться раньше,
как некогда там, на Мясницкой, где время быстрее
течёт до Лубянки и, кажется, несколько дальше.

Март 11. 2013 год

«Мне в магазине подарили кошку ...»

Мне в магазине подарили кошку —
я взял её, не думая, что будет
со мной потом. Страдая понемножку,
она лакала молоко на блюде —
другой посуды не случилось в доме —
большой поднос – какой-нибудь тарелки
не оказалось. Блюдечко – не помню,
когда разбилось, сделавшись из мелкой —
гранёной миской. Доброе создание
мурлычет, засыпая на подушке
в углу дивана. Ровное дыхание
становится теперь совсем неслышным.
Гляжу не это перевоплощение
моей берлоги, думаю о прошлом —
как жил один, почти что без волнений,
но с мыслями о чём-то о хорошем.
О светлом будущем, об отпуске в апреле
или в начале солнечного мая,
но глупо как-то всё, на самом деле,
и кошкин дом, наверно, не случаен —
среди бумаг и вековой пыли,
хранимой, как несметные богатства,
в том тридесятном, что давно забыли
и принимают вовсе не за царство
теперь уже. Комочек рыжей шерсти,
спустя мои полжизни, занимает
моё пространство и теперь до смерти
он на моей подушке отдыхает.

Март 16. 2013 год

«Мне в чёрном телевизоре смешно...»

Мне в чёрном телевизоре смешно
глядеть на страсти новых очевидцев —
не попадая даже в «молоко»,
они стреляют с радостью убийцы,
«сорвавшего заказ» за три рубля.
За три копейки старыми деньгами,
а после под баян и под «ля-ля»
слагают гимны с новыми словами
и тешатся — как всем им повезло
дожить до перемен, до кабинета
отдельного, соратникам назло,
кому не так, как им сошлись планеты.
И звёзды ссыпались сплошным дождём в карман.
Кому-то на погоны и мундиры —
наградами. Полковник снова пьян,
пока его гуляют командиры —
постарше званием. Он рубится в «очко»
с другим охранником — непыльная работа
для соглядатая, пока ещё кино
не кончилось и жить ещё охота
не так, как все. Непыльный вариант —
уйти на пенсию, на даче в Подмосковье
сажать капусту и, как арестант,
ждать извещения — куда-то в преисподню.

Март 20. 2013 год

«Мне место для жизни досталось среди обветшалых...»

Мне место для жизни досталось среди обветшалых,
раскисших за время домов, среди старых деревьев,
частично порубленных, в чём-то уже небывалых
в своём воплощении и со следами старенья.
С почти невозможными ветками с маленькой птичкой
на фоне листвы, сохранившейся дольше пейзажа,
как некогда кем-то зажжённая чёрная спичка —
горит до последнего, не замечая пропажи,
как будто оплошность какая-то или ошибка
случилась, пока разгоралось горячее пламя
и жизнь догорала, расстроившись из-за попытки
согреться на холоде, то есть — хотя бы руками
дожить, дотянуться, дотронуться до продолженья —
пусть даже не птички на ветке — она восвояси,
в листве оставаясь каким-то незримым движеньем —
на что, наблюдая за ней, я, наверно, согласен —
какой-то историей, что непременно случится
и в этом пространстве, к рисунку себя примеряя, —
домов и деревьев, как списку с последней страницы —
кто здесь остаётся, что жизнь продолжает за краем.

Март 21. 2013 год

«На Пасху яйца, хлеб и поцелуи...»

На Пасху яйца, хлеб и поцелуи
с малознакомыми, какие-то подарки.
И пчёлы первый мёд приносят в улей.
И в первый раз, наверное, так жарко
за всю весну. И радостные лица
мелькают среди множества прохожих —
чужих друг другу – чтоб остановиться.
А в булочной достаточно пирожных
с цветной посыпкой. Солнечное утро,
воскресный день... но завтра понедельник,
но всю неделю – перезвон, как будто —
Христос Воскресе, и звонарь-бездельник —
не успевает посвящать округу
в свои дела мирские ежечасно.
Подарки, что подарены друг другу
к делам Господним вовсе не причастны.

Март 22. 2013 год

«На площадке соседские дети играют в футбол...»

На площадке соседские дети играют в футбол.
Я смотрю на восторг этих мальчиков, сбившихся в кучу
для последней атаки – так важен решающий гол —
и ничто не мешает уже – разве только какой-нибудь случай
или ветер, что гонит с позиции мяч,
и трава шепелявит о чём-то своём осторожно...
Мать стирает бельё, отправляя следы неудач
восвояси, за грязной водою, насколько возможно.

Март 11. 2013 год

«На пустыре, за городом, на свалке...»

На пустыре, за городом, на свалке
я встретил Ангела в изношенном пальтишке —
он мне сказал, что будет очень жалко
ему, коль люди позабудут книжки
читать, ну пусть хотя бы раз в неделю,
под выходной, на сон, после работы,
устан под вечер, или в понедельник,
когда ещё не сильно спать охота.
Он говорил, в руках держа подшивку
кого-то издания — из старых —
вдруг кто-то выкинул, возможно, по ошибке
такую кипу стареньких журналов...
Он всё читает, тормоша страницы
старинных книг, потрёпанных журналов —
и ничего, наверно, не случится,
пока он не уснул под покрывалом.

Март 22. 2013 год

«Небо ближе, когда до него поднимаешь глаза...»

Небо ближе, когда до него поднимаешь глаза
и как будто руками толкаешься, чтобы открыли.
И тогда даже кажется, что долговечней слеза —
от смотрения ввысь. Иногда в облаках даже крылья
различаешь, как некий рисунок на фоне дождя
в длинных линиях, точках, в отметинах на небосводе,
как в каком-то реестре, себя и других находя,
в длинном списке живых и пока что ещё на свободе —
как в какой-нибудь тьмутаракани, где вечно темно,
судя по написанию имени, то есть — названья,
что, как клином вбивается в память, как небо в окно —
и уже навсегда, иногда прерывая дыхание —
замолкая на время, на некий земной передел —
в двух словах не расскажешь, а в трёх выйдет длинно и долго,
чем хотелось бы... и в небеса заглянуть не успел —
слишком короток век. И в остатке из чувств — чувство долга
пред самым же собой. Поднимая глаза в небеса,
ищешь точку, знакомую лишь по чужим описаньям,
различая уже, сквозь рисунок, других голоса,
отличая и свой среди них, как уже нероптанье.

Март 19. 2013 год

Ни о чём, но с подробностями...

Ты, кажется, остался не у дел —
один в пустой квартире, без подруги...
Ты как-то слишком быстро постарел —
состарился, как текст в тетрадке в круге
настойной лампы. И твои черты
на пыльной фотографии на полке
совсем другие – кажется, что ты
остался где-то там, где жизнь без толку
ещё клубилась. Где пейзаж в окне,
как пепел на картине возрождения
после разрухи... Мутный силуэт
в залапанном стекле – для продолженья —
достаточно и не дрожит рука
в перечислении – ни времени, ни места,
хотя порой, до жути, коротка,
чтоб дотянуться к тем, кто по соседству
ещё остался. За окном темно —
уже недолго – в семь уже светает,
и солнце пялится бессовестно в окно,
и день, спустя мгновенье, наступает
и оставляет мокрые следы
после дождя ночного непременно —
достаточно, казалось бы, воды —
но высыхает всё, и неприметна
опять картина. Что же до воды —
она в канализацию стекает,
по трубам до реки и – в никуды,
в другую воду, что проистекает
из мест других, куда не довелось
ещё добраться, да и не придётся —
скорей всего... Из вымысла сбылось
лишь только то, что с нами остаётся
до самого конца. Ты пережил
и многое, и многих... В одночасье
свой скудный скарб по полкам разложил,
чтоб не случилось мелкого несчастья
с делёжкой барахла среди живых —
такая невесёлая картина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.